

**М.И. Кутузов в современной историографии.
Приговор истории или произвол историков?**

Наличие критических отзывов в адрес М.И. Кутузова как военачальника и как человека в отечественной историографии — не новость. Можно выделить определенные особенности и закономерности этого историографического явления, до сих пор не подвергавшегося обстоятельному анализу. Довольно скептически оценивали роль полководца в Отечественной войне 1812 года дореволюционные историки Н.А. Окунев, М.И. Богданович, А.П. Витмер. Их мнение основывалось на значительном числе источников — письмах, дневниках, воспоминаниях современников, содержащих подчас крайне негативные высказывания о «свойствах» Светлейшего. Дос таточно вспомнить суждения о нем Л.Л. Беннигсена, П.И. Баг ратиона, Ф.В. Ростопчина, А.П. Ермолова, ныне воспроизводимые торжествующими специалистами, забывающими о том, что цитата сама по себе ничего не поясняет и не доказывает. Наивно пытаться «уточнить истинный масштаб личности Кутузова»¹ с помощью набора «убийственных» цитат без подробного комментария к источникам, откуда эти цитаты заимствованы. На наш взгляд, это — в очередной раз проявленное в нашей историографии неуважение к источникам, притягиваемым к уже готовой концепции автора, продиктованной всем чем угодно, — идеологией, политикой, запросами общества, стремлением авторов к самовыражению посредством ниспровержения авторитетов, — но только не к научно достоверному изображению исторических лиц и событий.

Откуда на протяжении многих десятилетий историки черпают материал для критики одного из самых популярных в России военных деятелей? Думается, при всей авторитетности вышеназванных имен русских военачальников, не они заложили прочный фундамент «антикутузовского» направления в отечественной историографии, истоки которого восходят, на наш взгляд, к «эпистолярной активности» М.Б. Баркляя де Толли. Именно в его «Оправдательных письмах», созданных в период с октября по декабрь 1812г. (как установлено А.Г. Тартаковским¹¹), впервые излагалась стройная версия основных событий Отечественной войны, существенно отличавшаяся от той, что была представлена Кутузовым в официальных документах. Благодаря сочинениям Баркляя в историографии возникла устойчивая «антитеза Кутузов — Барклай» (А.Г. Тартаковский). Нельзя забывать, что официальная и личная переписка Кутузова — синхронные источники, оставляющие специалистам несравненно больший простор для толкования, в то время как письма Баркляя создавались «задним числом» с конкретной целью, и в них все точки над «і» уже расставлены. Подобная определенность не должна, на наш взгляд, располагать специалистов к излишней доверчивости. Правдивая откровенность «демократа» Баркляя в противовес лживости «крепостника» Кутузова превращается в один из любимых мифов нашей историографии, выдаваемых за действительность с помощью сомнительных в научном отношении аргументов: сочувствие А.С. Пушкина, цитата Маркса — Энгельса, связь с «прогрессивной общественностью» и т.д.

Как проникла «антикутузовская» версия Баркляя в историографию задолго до публикации его писем? А.Г. Тартаковский в монографии «Неразгаданный Барклай» тщательно проследил за этапами борьбы полководца, стремившегося восстановить свое доброе имя. Нельзя не согласиться с мнением ученого, что борьба эта была «беспрецедентной». На наш взгляд, дело здесь не в том, что Барклай, по мнению исследователя, апеллировал к «прогрессивным кругам общественности», широко распространяя свои сочинения, «презревшие печать». Акцент следует сделать на другом: современники полководца сознавали, что ударная сила «Оправдательных писем» кроется не только в их содержании, но и в том, что их адресатом является Император Александр I. В работах А.Н. Кочеткова, А.Г. Тартаковского, Н.А. Троицкого приуменьшается значимость этого обстоятельства, не вписывающегося в «демократическую» концепцию авторов, усиливающую, по их расчетам, позиции Баркляя в сопоставлении с Кутузовым, которое в нашей историографии становится все заметнее. На наших глазах создается историографическая версия, под которую «подвёрстываются» источники.

Особые взаимоотношения Государя и Баркляя, безусловно, способствовали

укоренению «версии» Барклая. «Верный друг» — именно так называл Барклая Александр I, ценивший в людях прежде всего личную преданность. На наш взгляд, эта дружба, выдержавшая испытание временем и обстоятельствами, делает честь им обоим. Видеть в Барклае только «козла отпущения» или жертву актерского лицедейства Государя — приписывать Александру Павловичу какие-то демонические свойства и полную безнравственность. Так, представляется недостаточно убедительным мнение В.М. Безотосного, что «Император ...подготовил несколько вариантов политических игр среди генералитета»ⁱⁱⁱ. Нуждается в доказательстве и утверждение, что Александр I «заранее (с середины июля. — Л.И.) искусно подталкивал кандидатуру» Кутузова на пост Главнокомандующего^{iv}. Вслед за Троицким, специалисты стали «увлекаться» мыслью о том, что противоречия между Императором и Кутузовым были, дескать, незначительны, вот то ли дело принципиальные расхождения между «неискренним» Царем и «откровенным» Барклаем. Конечно, классовых противоречий между Государем и Кутузовым не было, кто будет на них настаивать в наши-то дни? Но неприязнь была, а это чувство у нормальных людей гораздо сильнее классового отчуждения... Вот уже и В.М. Безотосный, цитируя формулировку членов Чрезвычайного комитета, избравшего Кутузова главно командующим, «отсекает» часть фразы, меняя ее смысл. В постановлении комитета говорится: «...Назначение общего главнокомандующего армиями должно быть основано, во-первых, на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве, посему единогласно убеждаются предложить к сему избранию генерала от инфантерии князя Кутузова»^v. У В.М. Безотосного цитируемый им фрагмент фразы, вынесенный в подзаголовок статьи звучит так: «Избрание, сверх воинских дарований»^{vi}. Разве это имели ввиду члены Чрезвычайного комитета? Зачем «вчитывать» в источник то, чего там не было и нет?

Книга А.Г. Тартаковского имеет неоспоримое достоинство, не сразу бросающееся в глаза: она позволяет определить благодарную аудиторию, восприимчивую к откровениям «верного друга» Императора. Это, безусловно, военная молодежь, далекая от командования армиями в начале 1812 г. Тартаковский часто использует термин «прогрессивная молодежь», хотя в наши дни этот критерий прогресса уже сомнителен, во всяком случае — не бесспорен. Современный исследователь, на наш взгляд, справедливо заметил: «Вероятно, рассмотрение эпохи традиционным путем — «через революционеров» — во многом исчерпало себя. Нужны новые ракурсы анализа, новые подходы»^{vii}. Старшие соратники Барклая смотрели на эти письма более трезво. Но для человека непосвященного все, написанное Барклаем, воспринималось как истина в последней инстанции, учитывая высокий пост сочинителя, используемый им, безусловно, в целях самозащиты. В книге А.Г. Тартаковского перечислен ряд публикаций и названы имена авторов, прибегнувших к скрытому и, можно сказать, сплошному цитированию «Оправдательных писем» уже в публицистических сочинениях 1814-1816 гг.^{viii}

Самое одиозное «антикутузовское» сочинение Барклая — «Изображение военных действий 1-й армии» — составлено также в форме письма Александру I, хотя, по убедительному определению А.Г. Тартаковского, является «первым мемуарным источником о войне 1812 года». Его копия неосторожно была передана в декабре 1812 г. Александром I бывшему начальнику Главного штаба армии Багратиона Э. Ф. де Сен-При. Документ возмутил пылкого француза, и он передал его другому, не менее преданному Багратиону сподвижнику Н.А. Старынкевичу. Так «секретный» документ пошел «гулять по рукам» А.Г. Тартаковский выявил 15 копий только 1810-х годов. Причем сам ученый считал найденные им копии лишь верхушкой айсберга, полагая, что их было значительно больше. Он констатировал факт: «Совершенно исключительный размах приняло рукописное распространение «Изображения военных действий 1-й армии в 1812 году» — самой «закрытой» из оправдательных записок Барклая»^{ix}. Историк делает вывод: «Изучение в этом плане Барклаевской записки находится ныне у самых своих истоков»^x.

Принимая во внимание установленный А.Г. Тартаковским факт широкого распространения списков рукописи, отметим: у самых истоков находится и степень изученности влияния этого документа на всю отечественную историографию, где кроме скрытого цитирования в те же 1810-е годы уже наблюдалась и скрытая полемика с известным каждому, но не называемым по имени автором. Происходило это по причине,

объясненной А.П. Ермоловым в письме А.А. Закревскому от 17 апреля 1818г.: «Ты уведомляешь меня об описании военных 1812 года действий, составленном Барклаем, и не прежде соглашаешься доставить оное ко мне, как взяв прежде от меня слово, что я не пушусь в дружескую с ним переписку. Если сочинение сие не печатное и не выпущенное в публику <...>, то я и не смею тебя выдавать нескромности моею»^{xi}. Ермолов полагал, что возражать можно лишь на сочинения, появившиеся в печати за подписью автора, чего, как известно, с письмами Барклая не случилось.

Защищая «неразгаданного Барклая», А.Г. Тартаковский добился неожиданного результата: из его монографии явствует, что «презревшие печать» письма Барклая Государю широко распространились в обществе до «прокутузовских» сочинений К.Ф. Толя, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского. Следовательно, «антикутузовская» версия оформилась раньше. Специалисты привыкли видеть в Барклае лицо страдательное, обороняющееся, но факты показывают, что он успешно нападал. В.Н. Земцов полагает, что «Изображение» Барклая написано «в жестко реалистичном духе»^{xii} (у А.И. Михайловского-Данилевского — «ругательства и поносительные слова»^{xiii}). Что, если Барклай де Толли своей «жесткой реалистичностью» спровоцировал на отпор «защитников» Кутузова? В этом случае апологетический характер трудов «прокутузовских» настроенных авторов вполне понятен — они держали в уме «Изображение» Барклая, этот, по словам Тартаковского, «документ личной и далеко небеспристрастной защиты». Отметим, правота Барклая пока никем не доказана. «Оправдательные письма» опубликованы, но научного комментария к ним до сих пор нет. В своих ощущениях от этих, по выражению А.С. Шишкова, «озарительных для историка документов» мы не далеко ушли от А.С. Пушкина, хотя наука и искусство — это не одно и то же. Таким образом, антитеза «Кутузов - Барклай» — одна из давних традиций отечественной историографии, освященная гением великого поэта.

Противопоставление обоих полководцев не сразу при обрело актуальность в советской историографии. 30 января 1946 г. военный историк профессор Е.А. Разин обратился с письмом к И.В. Сталину. Письмо собственно касалось сочинений К. Клаузевица, содержащих негативную оценку Кутузова. 23 февраля 1947 г. в № 2 журнала «Большевик» появился знаменитый ответ Сталина, критиковавшего Энгельса, высоко оценившего Барклая де Толли (статья о Барклае написана в соавторстве с Марксом). О Кутузове Сталин заявил: «...Полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая де Толли». Думается, если бы это высказывание было аргументировано предвзятым отношением «классиков» к источникам, а не звучало бы декларативно, мы бы сегодня имели меньше проблем, связанных с оценкой роли Кутузова в Отечественной войне 1812 года.

Проблем было бы меньше и в том случае, если бы специальные листы, вдохновленные словами И.В. Сталина, не дошли в своих высказываниях о Кутузове до абсурда: «Авторы изображали его надклассовым феноменом, который якобы отражал настроения и интересы русского крестьянства»^{xiv}. Однако нельзя судить их слишком строго, обвиняя исключительно в «сталинизме». Накануне Второй мировой войны имя Кутузова было исторгнуто из забвения, где оно находилось (по классовым соображениям) в первые годы советской власти. Для того чтобы оно снова не кануло в Лету, историки вынуждены были идти на уловки, сочинять небылицы. Вероятно, в тех условиях это была единственная возможность сохранить историческую память русского народа. Конечно, всемерное возвеличивание русского полководца не имело ничего общего с научной оценкой его заслуг. «Его образ в свете очевидных исторических аналогий более всего подходил советскому генералиссимусу для возвеличивания собственной роли освободителя Отечества от иноземных захватчиков. Тоталитарная система управления государством и культ личности способствовали внедрению этой идеи в общественное сознание в гипертрофированных формах», — справедливо оценивает создавшуюся вокруг имени Кутузова ситуацию И.А. Шеин^{xv}.

Высказывание Сталина имело и другие последствия, о которых говорится в работе отечественных исследователей: «Негативное влияние на историографию оказало противопоставление Кутузова Барклаю де Толли»^{xvi}. Тем более что в дореволюционной историографии это противопоставление уже существовало, теперь же оно осложнилось привнесением идеологических соображений: борьбой за чистоту марксистско-ленинского

учения и т.д. Если бы эта пресловутая статья о Барклае была написана не Марксом и Энгельсом! С точки зрения Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, Сталин «принизил достоинство Барклая де Толли». С нашей точки зрения, вред отечественной историографии, современной в том числе, нанесен дополнительным акцентированием внимания на самой антитезе «Кутузов — Барклай», оказавшейся тесно связанной с политической конъюнктурой. Не надо быть особенно проницательным, чтобы понять, в каком направлении двинется историческая мысль в отношении Кутузова после развенчания культа личности Сталина. Кутузов до сих пор подвергается ожесточенной критике, а его защитники слывут сталинистами. Дело здесь не столько в исторической объективности, сколько в политической детерминированности этой проблемы.

А.Г. Тартаковский, на наш взгляд, точно подметил определенную цикличность историографического явления: в годы демократизации, «оттепели», «перестройки» историки поднимают на щит Барклая де Толли, безоглядно доверяясь эпистолярному наследию полководца, воспетого Пушкиным. Ученый отмечал факт общественного признания Барклая с явным удовлетворением. На наш взгляд, в этом явлении нет ничего положительного: культ Барклая, так же, как и культ Кутузова, отражает настроения общества, а не уровень развития исторической науки, которая в данном случае оказывается чересчур тесно связанной с политикой. На наш взгляд, сам термин «реабилитация», употребленный А.Г. Тартаковским по отношению к Барклаю, чей портрет украшает Военную галерею Зимнего дворца, неправомерен. Этим термином военачальник как бы приравнивается к «репрессированным» в годы «культа личности», а Кутузова критикуют особенно жестко, прикрываясь, в первую очередь, борьбой со «сталинизмом».

Эта борьба приобрела в современной историографии несколько затяжной характер. На наш взгляд, сейчас уже довольно трудно найти «сталинистов» среди историков, занимающихся проблемами Отечественной войны 1812 года. Тем не менее Н.А. Троицкий в монографии «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» (М., 2002) опубликовал длинный список фамилий авторов, по мнению исследователя, руководствующихся в своих взглядах на Кутузова именно «указаниями товарища Сталина»^{xvii}. В этот список уважаемый ученый внес фамилию и автора данного выступления, назвав «фанатом» Кутузова (вероятно, для современного звучания). «Фанат» — некрасивое слово. Я бы предпочла называться «поклонницей» или «почитательницей», да мало ли слов в русском языке! Открещиваться от своих пристрастий не собираюсь, но хотелось бы заметить: есть много причин уважать Кутузова, помимо «указаний товарища Сталина». Н.А. Троицкий забывает о том, что возраст исследователя может существенно влиять на отношение к историко-графическим проблемам. Я родилась после смерти И.В. Сталина, развенчание «культа личности в истории» не помню опять же из-за малолетства. Как сказал поэт: «У каждой эпохи свои подрастают леса». Каждый человек живет в своем времени, а историк, пожалуй, живет мыслями еще и в том времени, в котором хочет жить. Для меня — это эпоха наполеоновских войн, запечатленная в официальных документах, письмах, дневниках, воспоминаниях. Это — Бородинское поле. Однажды на одной из Бородинских конференций прозвучали замечательные слова: «Бородино — это не профессия; Бородино — это судьба!». Разве можно судить о Кутузове на основании письма тов. Сталина тов. Разину, а о Барклае — на основании статьи Ф. Энгельса, даже если она написана в соавторстве с К. Марксом?

В издании «1812 год. История темы» Н.А. Троицкий щедро поделился своими воспоминаниями об особенностях «историографической ситуации» в периоды, условно именуемые «оттепелью» и «застоем». Думается, к его рассказу есть что прибавить. Я хорошо помню, каким событием культурной, общественной да и повседневной жизни стал выход на экраны страны киноверсии «Войны и мира» С.Ф. Бондарчука. Никогда не забуду, как я, тогда ученица второго класса, вместе с бабушкой и дедушкой оказалась на премьере этого фильма в кинотеатре «Россия» (ныне «Пушкинский»). Боже мой, что творилось в огромном зале, когда в заключительной серии актер, игравший Кутузова произнес с экрана знаменитые слова толстовского романа: «Кто ж их к нам звал? Поделом им. Мордой — и в г...». Зрители встали со своих мест, стоя аплодировали, смеялись, плакали, кричали «Ура, Кутузов!» И дело здесь было не в «сталинизме», не в ассоциациях, связанных с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. Уж больно хорош был тип русского барина с изувеченным в сражении лицом, в широкой шинели, воротник которой «серебрился

морозной пылью», да еще с этим крепким русским словом, прежде не произносившимся с экрана! Выходя из кинотеатра, люди спрашивали друг у друга: «Вы слышали, Кутузов так и сказал: "г...!"». Полководец будто бы вернулся из другой эпохи. Это был «глоток свободы» для людей, измученных идеологическими запретами, которые старый фельдмаршал попирает с экрана. И снова он был всемогущим, совсем как в пушкинском стихотворении: «...Иди, спасай! Ты встал и спас». В сознании людей он был неизмеримо выше и сталинских оценок, и «откровений» Энгельса о Барклае, когда, перекрестившись, произносил слова: «Слава Богу! С этой минуты спасена Россия!» Кутузов был верующим человеком. С его «экраным» образом в нашу жизнь возвращались растоптанные воинствующим марксизмом «нематериальные» ценности. А разве можно позабыть слова, которые Кутузов говорит Шурочке Азаровой в «Гусарской балладе»: «Не верю я в безгрешных: сам грешен...»? Где ж тут «чрезмерная идеализация»? Россияне, отдавшие голоса Кутузову как «человеку столетия» при опросе фондом «Общественное мнение»^{xviii}, думается видели в нем отнюдь не «надклассовый феномен» и не полководца, получившего признание Сталина. Достаточно заглянуть в современное справочное издание^{xix}, чтобы убедиться в том, что популярность Кутузова не связана с правительственной идеологией, а скорее, наоборот, существует вопреки ей. Из одиннадцати «крылатых фраз», произнесенных героями фильма «Война и мир» (а героев там, как известно, немало) две принадлежат Кутузову, включая здесь упомянутую. В «Гусарской балладе» запомнившихся зрителю фраз всего пятнадцать; из них Кутузову принадлежит целых четыре — на две фразы больше, чем поручику Ржевскому. Ни одна из этих фраз не содержит и намека на идеологию и даже не свидетельствует о высокой нравственности полководца.

Подводя итог пространному «лирическому отступлению», выскажем предположение, несовместимое со взглядами историков-материалистов: что, если Кутузов существует в нашей памяти не столько благодаря «ухищрениям» историков, сколько по воле Провидения, дважды «дивным образом» сохранившему ему жизнь? Если симпатии россиян к Кутузову сродни тому чувству, которое М.Ю. Лермонтов назвал «святым таинственным влечением»? Великий поэт рассуждал о нем так: «...Оно существует, должно существовать вопреки всем умствованиям людей ни чуждых, иначе душа брошена в наше тело для того только, чтоб оно питалось и двигалось — что такое были бы все цели, все труды человечества, без любви? И разве нет иногда этого всемогущего сочувствия между народом и Царем? Возьмите Наполеона и его войско! Долго ли они прожили друг без друга?»^{xx} Долго ли мы проживем, «разоблачая» своих национальных героев?

На рубеже XX и XXI столетий критические настроения в отношении М.И. Кутузова в отечественной историографии заметно усилились, что в общем-то легко объясняется современной познавательной ситуацией, вырвавшейся из жестких тисков идеологии. Но именно в этой ситуации свобода выражения мнений рискует превратиться во вседозволенность. В нашей истории, как и в любой другой, есть имена-символы, требующие к себе бережного обращения. Известная монография Н.А. Троицкого, о которой речь пойдет ниже, в частности, начинается словами: «Память о Михаиле Илларионовиче Кутузове увековечена в России так величественно, как ни о каком другом из русских военачальников после А.В. Суворова»^{xxi}. В подобных случаях историк, ощутивший в себе «критический настрой», должен отчетливо представлять как побудительные мотивы критики, так и нравственную цель, которую он этой критикой преследует. К сожалению, в наши дни, начав с обвинений в адрес историков-«сталинистов», авторы легко переключаются на самого Кутузова. Обвинения «маститого стража страны державной» в недостатке полководческих способностей и в аморальности поведения стало, что называется, обычным делом.

Начало этому было положено монографией Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» (М., 1988). В числе достоинств этой книги следует признать: она честно написана. В ней оговаривается «методологическая основа» критических взглядов автора: «Классики марксизма-ленинизма оставили нам ряд конкретных работ и основополагающих высказываний о войне 1812 года — ее происхождении, характере, событиях и людях, итогах, последствиях и значении. Не все наши военные историки освоили это богатейшее наследие»^{xxii}. По крайней мере, читателю было ясно, откуда раздается залп критики. В то время автор рассуждал так: «Сегодня, когда мы так ценим в науке "момент истины",

следует подчеркнуть, что если, с одной стороны, затушевывается варварская сущность феодального строя в России, замазываются его экономические, социальные, политические и военные изъяны (хозяйственное головоустройство, сословные барьеры, казнокрадство, рекрутчина, палочная муштра, ошибки царских военачальников), а с другой стороны, принижается социально-экономический, политический и военный потенциал буржуазной Франции, то все это отнюдь не возвышает, а, наоборот, умаляет подвиг русского народа в 1812 г.»^{xxiii} Не знаю, как кому, а мне было холодно вот от этих слов: «В целом же войны 1805-1807 гг. — примеры таких войн, когда, по словам В.И. Ленина, «рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более "справедливый" передел рабов», и к ним «отношение демократии (и социализма)... подпадает под правило: 2 вора дерутся, пусть оба гибнут»^{xxiv}.

Интересно, что должно произойти с человеком прежде, чем ему придут в голову подобные мысли? Ясно одно: между Кутузовым и Троицким как была, так и осталась полоса выжженной земли, название которой «марксизм-ленинизм». В этом случае, откуда возьмется уважение к «царскому генералу», «крепостнику»?

В связи с этим показательна оценка исследователем роли Кутузова при Бородине, которая была и остается дискуссионной проблемой, не решаемой «с наскока», как в монографии Н.А. Троицкого. Ученый даже не утруждал себя выяснением, где находился М.И. Кутузов во время Бородинского сражения, поместив командный пункт полководца в шести верстах от поля битвы. Как говорится, «ради красного словца...». Главные упреки в адрес Кутузова при Бородине опять-таки сформулированы Баркляем и до сих пор принимаются «на веру» без критического анализа. Вслед за Баркляем Троицкий склонен считать, что Кутузов допустил «величайшую ошибку» разместив главные силы русской армии на правом фланге, что следовало сократить фронт, чтобы добиться решительного результата. Это суждение справедливо в том случае, если у Кутузова действительно было намерение любой ценой отстоять Москву. Н.А. Троицкий рассуждает так: «Мы восхищаемся героизмом защитников флешей и батареи Раевского, отражавших атаки вдвое, а то и втрое превосходящих сил, но не задумываемся над тем, что русское командование ... обязано было не допустить на решающих участках битвы ... какого бы то ни было превосходства неприятеля в силах»^{xxv}. Задним числом вменять в обязанность русскому главнокомандующему сразу обеспечить превосходство в силах на всех участках фронта, некорректно. Также некорректно настаивать на неподтвержденном факте численного превосходства регулярных русских войск, которого на самом деле не было. Да, последние исследования убедительно показывают, что ополченцев в русской армии было значительно больше, чем прежде предполагалось. Вместе с ними в войсках Кутузова было не 127 000, а 150 000, из них около 32 000 были упомянутые ополченцы и 9 000 казаков. Следовательно, регулярных войск у светлейшего было не более 100 000 против 133 000 у Наполеона^{xxvi}. Где же здесь численное превосходство русских, которое, по совету Троицкого, Кутузов обязан был использовать при Бородине?

В «Диспозиции» Кутузов объявил о своих «видах» на грядущее сражение: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его намерениям»^{xxvii}. В связи с этим странно выглядит упрек Н.А. Троицкого в адрес полководца: «Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отражал его атаки, перебрасывая свои войска из тех мест, где не было прямой опасности, в те места, которые подвергались атакам»^{xxviii}. Подобным образом рождается антилегенда, согласно которой Кутузов, обладая превосходством сил, дал себя разгромить при Бородине. Здесь сомнения вызывает сам тезис «атаковал, что хотел и как хотел». Достаточно обратиться к диспозиции Наполеона маршалам, которые должны были произвести фронтальное захождение правым плечом вперед «стройно и методически».

Во-первых, Понятовский со своим корпусом не смог выйти на линию атаки ко времени нападения Даву на флешу: местность в Утицком лесу оказалась труднопроходимой, а столкновение с корпусом Тучкова-1-го — неожиданным. Во-вторых, Даву потерпел неудачу во время первого нападения на «боковые реданты»: его войска до 10.00 не продвинулись дальше кромки Утицкого леса. В-третьих, Неи, стремясь оказать поддержку войскам Даву, произвольно изменил направление атаки, открыв неприятелю центр. Около 9.00 неприятельский фронт разорвался в самом неподходящем месте, а именно: севернее Семеновского, там, где корпус Неи, подкрепленный корпусом Жюно при

поддержке резервной кавалерии Мюрата должен был нанести решающий удар по русской позиции. Разве Наполеон постоянно диктовал ход сражения, атакуя «все, что хотел и как хотел»?

Позиция же Н.А. Троицкого в отношении Кутузова при Бородине вообще представляется непоследовательной: историк беспощаден к лжепатриотам с их «шапкозакида-тельскими» настроениями, но Кутузова он судит с иных позиций, полагая, что под рукой у полководца было все для достижения победы: «... Все равно французы вряд ли могли рассчитывать на лучший для них исход, ибо дело здесь не столько в Кутузове и Наполеоне, сколько в русском солдате. Русский солдат, плоть от плоти своего народа, — вот главный герой Бородина»^{xxxix}. Заметим, что в этом случае Кутузову вообще не о чем было заботиться.

В монографии Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» (М., 2002) методологическая основа критики Кутузова не оговаривается, поэтому не совсем понятно, с каких позиций автор решился критиковать М.И. Кутузова. Автор, безусловно, привлек к исследованию значительное количество источников, которые, на наш взгляд, нуждаются в научном толковании, а именно: исторический источник не может быть выхвачен из контекста эпохи и истолкован в соответствии с современными понятиями автора. Это — неисторично, как неисторично, на наш взгляд, и заявление автора: «Я ставлю своей задачей... уточнить истинный масштаб личности фельдмаршала»^{xxx}. В связи с этим заявлением возникает вопрос: почему автор решил, что именно его точка зрения на масштабность личности Кутузова является истинной? О «марксизме-ленинизме» как о «единственно верном учении» автор уже не упоминает, в его книге от прежних методологических установок осталось лишь «охвостье» — борьба со «сталинизмом». Однако противоречия в историографии о Кутузове существовали и до революции. Представляется, что главной методологической основой современных работ о Кутузове является научное отношение к источникам, которого, увы, нет в содержательной по количеству использованной литературы монографии Н.А. Троицкого. Обличительный тон, принятый автором в отношении Михаила Илларионовича, невольно напоминает работы Н.А. Троицкого, относящиеся к другим событиям русской истории. Например, «Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895 гг.» (М., 1979) и т.д. По-видимому, Кутузову досталось также от лица этой никому неведомой «общественности». Вот только за что?

Вот, например, упрек явно демагогического характера, смысл которого — представить Кутузова в облике нерас-суждающего солдафона. Конечно, и здесь не обошлось без намеков на превосходство Барклая де Толли. «В некоторых значимых отношениях Кутузов как военачальник явно проигрывал в сравнении с предшественниками, и современниками. Так, в противоположность суворовскому правилу "Каждый воин должен понимать свой маневр", Кутузов приучал подчиненных к слепому повиновению. "Не тот истинно храбр, — говорил он, — кто по произволу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется". Неудивительно, что, в отличие от М.Б. Барклая де Толли, который настойчиво предлагал Александру I умерить разгул жестокой дисциплины, пока патриотизм русских солдат "не угас в результате плохого обращения и палочных ударов", Кутузов никогда не позволял себе ничего подобного. Трудно даже себе представить, как Михаил Илларионович осмелился бы на такие демарши перед самодержцем»^{xxxi}. Уважаемому исследователю так хотелось найти в Кутузове недостатки, что, не найдя, он решил их выдумать. Разве есть противоречия в высказываниях Суворова и Кутузова, которые даже можно соединить в одно целое по смыслу: «Каждый воин должен понимать свой маневр, а не метаться по произволу своему в опасность». Как можно, не повинуюсь начальнику на поле битвы, осуществить какой бы то ни было маневр? Кроме того, Барклай рассуждает о неуместной жестокости дисциплинарных взысканий, а Кутузов — о поведении в бою, следовательно, говорят о разных вещах. К тому же автор невнимательно относится к военно-теоретическому наследию Суворова, утверждавшего, что первым предметом воинской службы является субординация: «ни в какой армии нельзя терпеть тех, которые умничают». Почему вообще Троицкий решил, что «понимание маневра» и отсутствие дисциплины — явления одного порядка?

Н.А. Троицкий сделал в адрес М.И. Кутузова и другое, не менее странное замечание: «Единственный военно-теоретический труд Кутузова "Примечание о пехотной службе

вообще и о егерской особенно" (1786) информативен тактически, но для теории малозначим, уступая в этом не только трудам Суворова и Румянцева, но и таким документам М.Б. Баркляя де Толли, как "Воинский устав о пехотной службе" и "Наставление господам пехотным офицерам в день сражения"^{xxxii}. Жаль, конечно, разочаровывать исследователя, «исподволь» стремящегося внушить читателям мысль о «тотальном» превосходстве Баркляя над Кутузовым, но придется сказать правду. Еще в начале прошлого столетия К. Симанскому удалось доказать, что предположение В.И. Хар-кевича о том, что автором «Наставления» являлся Барклай — ошибочно. Автором документа, первоначально носившим название «Наставления господам пехотным офицерам Нарвского пехотного полка» являлся М.С. Воронцов. Причем в основе этого сочинения — «Правила для французской армии, составленные Императором Наполеоном». По мнению К. Симайского «Наставления» Воронцова были переработаны П.И. Багратионом, распространены во 2-й Западной армии и лишь затем использованы при составлении Устава 1816г.

Особенно же, с точки зрения Н.А. Троицкого, «убийст венны» для репутации Кутузова сведения об успешной придворной карьере светлейшего. Безусловно, в историю графии советского периода эта тема не возникала. В настоящее же время сведениями о том, что Кутузов, говоря словами А.П. Ермолова, был «неодолимым ратоборцем» на поприще дворцовых интриг мало кого можно шокировать. «Всегда царедворец, всегда солдат» или «вельможа и государственный человек» — обычные формулировки, под черкивающие достоинства деятелей екатерининского времени. Более того, в войсках явно предпочитали «старо светский дух Беннигсена» холодной сдержанности Баркляя, из чего явствует, что власть над армией следовало вверить человеку из блистательной когорты военных деятелей XVIII века — самого «оптимистического века русской истории». И таким человеком был, конечно же, генерал от инфантерии светлейший князь Михайло Ларионович^{xxxiii} Голенищев-Кутузов, по точному определению Пушкина:

Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славных
Екатеринских орлов.

Нам представляется, что в нескольких поэтических строках заключена в краткой форме полная характеристика великого полководца с указанием главной причины его назначения. Кто как ни Кутузов, мог служить в то время живым напоминанием о славе и победах русского оружия? Герои «времен Очакова и покоренья Крыма», однако, слишком живо напоминали Государю о его собственных неудачах в войнах с Францией в 1805—1807 гг., в которые молодой Император так неосторожно втянул Россию. Но разве не этим людям он пообещал, вступая на престол: «... Все при мне будет, как при бабушке» (Екатерине II — Л.И.). И разве в свете этих слов Тильзитский мир и либеральные реформы Сперанского не выглядели как отказ сдержать свое обещание?

В трудное десятилетие «больших войн и большой крови» честь и достоинство России удержало на своих плечах поколение военных, родившихся и проживших значительную часть жизни при Екатерине Великой. К той же плеяде выдающихся людей принадлежал поступками и суждениями М.И. Кутузов. И если философия Наполеона выражалась словами «большие батальоны всегда правы», то он наткнулся на достойных противников, которые еще до него не только постигли «правоту больших батальонов», но и готовы были морально ей противостоять. И пусть их укоризненно величают «военно-аристократической олигархией», связанной общностью феодально-крепостнических воззрений. «Година бедствий и печали» осталась в сердце Императора незажи вающей раной: судьбу Отечества и управление армиями взяли в свои руки те люди, кого он считал «обломками» прежнего царствования. Они сделали это уверенно и безапелляционно, оттеснив «избранника Государя» М.Б. Баркляя де Толли, оттеснив самого Императора. «Я пожертвовал для пользы моим самолюбием, - писал Александр I своей сестре великой княгине Екатерине Павловне, — оставив армию, где полагали, что я приношу вред»^{xxxiv}. Уступая войска, так нелюбимому им Кутузову, Император признавал силу уходящего поколения, которое он неудачно и преждевременно попытался заменить «новыми людьми».

Теперь о военно-политических взглядах этих людей стали говорить, наконец, с должным уважением и объективностью, не требуя от героев той эпохи, чтобы они жили и мыслили по понятиям нашего времени. «Образованному обществу России начала XIX века было свойственно романтическое восприятие политики и "человека войны". Он мыслился победителем, а война осознавалась как открытая ситуация для реализации потенций героя, — отмечает современный исследователь. — Это представление соответствовало общему культурно-психологическому духу эпохи классицизма. Европейские войны прочитывались российскими зрителями в категориях античного противоборства. Идеализации войны в российском обществе немало способствовали военные успехи русской армии, добытые под руководством Суворова. Ими гордились, и, казалось, что сражения — совершенно естественное средство защиты внешнеполитических интересов госу дарства... Война 1812 года сняла конфликт власти и общества. Правительство открыто воссоединилось с оппозицией и официальными идеологиями стали радикально настроенные ее представители»^{xxxv}.

Сейчас незачем делать секрета из общепринятых норм того времени Кутузов вряд ли бы оказался на посту главнокомандующего в 1812 г., если бы не его связи при Дворе. Заметное положение при Дворе (желательно в сочетании с выгодной женитьбой) — почти единственный в те времена способ занять высокую должность по службе и, главное, удержаться на ней, иногда даже вопреки благоволению Государя. Пример Кутузова — не исключение, а скорее правило. Любимец армии князь Петр Иванович Багратион начинал службу при штабе светлейшего князя Г.А. По темкина-Таврического, затем вступил в брак с родственницей царской фамилии фрейлиной графиней Е.П. Скавронской, с 1803 г. являясь бессменным комендантом Павловска, резиденции вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. Как отмечал Ермолов, он вовремя «сделал сильные связи у Двора» и «укрепил их обязательным обхождением». И за спиной военного министра Михаила Богдановича Барклая де Толли, издавна импонирующего историкам своей «неловкостью у Двора», постоянно угадывается фигура Александра I. Трагическое одиночество «сдержанного шотландца», опозитизированное Пушкиным, на самом деле не было таким безысходным; этому случаю скорее соответствует пословица, любимая Денисом Давыдовым: «Бедненький, ох! А за бедненьким Бог!» В 1813 г. «неразгаданный Барклай» благополучно «восстановил свою репутацию», получив в командование армию, в 1814 г. он был возведен в чин фельдмаршала за взятие Парижа, в 1815 — пожалован титулом князя, при этом он довольно свободно распространил свои «Оправдательные письма». Стоит ли объяснять, кто за всем этим стоял? «Цари не ошибаются, по крайней мере, не могут сознаться в своих ошибках так, чтобы другие заметили их ошибку»^{xxxvi}. Если бы не это обстоятельство, на которое прямо указал военный историк А.И. Михайловский-Данилевский, мы сейчас вряд ли сравнивали бы полководческие способности Барклая и Кутузова.

Кутузов действительно был «всегда первенствующим, непреодолимым ратоборцем» на поприще дворцовых интриг, как отметил Ермолов. Безусловно, как основательно полагают историки, «почтенным аристократам чрезвычайного комитета должна была импонировать и феодальная состоятельность Кутузова, в отличие от хундордного Барклая». Михайло Ларионович не виноват в том, что он жил во времена крепостного права, а нищета Барклая де Толли была вынужденной. Социальный же статут Кутузова импонировал не только «почтенным аристократам», в солдатской массе, комплектуемой на основе рекрутского набора, в то время также существовал стереотипный взгляд на личности главнокомандующего, о чем пишет П.А. Вяземский: «Народ вовсе не так демократичен, как многие полагают. Обаяние высокого имени очень действует на него: он охотно верует в людей, дошедших до больших чинов постоянною, долговременною службою»^{xxxvii}. Заставить людей того времени «играть» по нашим правилам, жить в соответствии с нашими вкусами — разве не этим занимались советские историки и до Троицкого? На наш взгляд, прав был исследователь: «Мы можем сделать прошлому выговор, можем возмутиться им, но никак не можем сделать одного: отменить то, что было...»^{xxxviii}

Упрекая Кутузова в раболепстве и угодливости перед Государем, Н.А. Троицкий снова «входит в противоречие с самим собой». Историк перечислил многих властителей из тех, кому смог угодить Кутузов, без труда подстроившись под нравы и привычки.

Исключение составлял лишь Александр I, который, в отличие от своей бабки Екатерины Великой, часто пренебрегал дворцовыми церемониями, стремясь к простоте и «безыскусственности». Но, опять-таки, это — личное дело ученика Лагарпа, а вот Кутузов был человеком другой эпохи, принципиально сохраняя верность старине. Казалось бы, что ему стоило из «раболепства» несколько раз возразить Государю, который подчас любил, чтобы ему возражали? Кутузов же, подвергаясь насмешкам и неудовольствию Государя, называл его «мой повелитель». Для Кутузова Император'— помазанник Божий, в котором он отказывался, даже вопреки воле самого Государя, видеть простого смертного. «Любовь к равенству — плебейское чувство», — утверждал Н.А. Бердяев, Кутузову оно также было чуждым. Кстати, и не одному Кутузову. Вот красноречивый фрагмент из воспоминаний Ермолова: «О сделанной мне обиде объяснился я с Военным Министром Барклаем де Толли, который с важностью немецкого бургомистра весьма хладнокровно отвечал мне: "Правда, что упустил из виду службу вашу". Я желал бы в сию минуту видеть в нем знатного человека, и отказ, мне сделанный, был бы приправлен вежливостью»^{xxxix}. Наша беда, а не Кутузова в том, что мы полагаем вежливость и предупредительность предрассудками.

А вот отповедь В.И. Левенштерна на замечание А.С. Пушкина «о кофейнике Кутузова», также упоминаемом в монографии Н.А. Троицкого: «Я имел случай наблюдать каждый день, как голубые ленты умеют сгибаться и, в случае надобности, стушевываются. Но я замечал, что, делая эти раболепные поклоны, люди не утрачивали хорошего тона и манер настоящих вельмож; при Дворе еще существовали манеры и тон века Людовика XIV; в обращении с вельможами и в преклонении перед людьми, стоявшими в то время у власти, не было ничего резкого, даже люди гордые и низкопоклонные были вежливы соблюдали известные приличия. Князь Зубов причесывался при них, и их одежда была покрыта пудрою, но они, не счищая ее и проходя по другим залам, гордились тем, что могли сказать и даже доказать с полной очевидностью, что они были у него. И, однако, тот же гордый и высокомерный князь Зубов не перед кем не возвышал голоса; этого бы никто не потерпел. Присутствовать при туалете — не противоречило тогдашним нравам, но относительно всего другого все требования вежливости и все то, чего требовала честь, соблюдалось строго»^{xl}. На наш взгляд, абсолютно прав С.О. Шмидт: «Историко-культурной же проблематике, а тем более „историко-психологической в трудах историков уделялось значительно меньше внимания...»^{xli}

Также не исторично замечание Н.А. Троицкого о «патологическом влечении» М.И. Кутузова к женскому полу. Причем, к возмущению историка, полководец не считал нужным скрывать от посторонних глаз своих разновозрастных «повелительниц». Чем объяснить этот, по выражению Пушкина, «хладнокровный разврат»? Опять же нравами эпохи, а не патологией, как полагает Н.А. Троицкий, «выхватив» из контекста времени только один исторический персонаж. И снова цитата: «Я слышал, что, когда князь Куракин собирался в Париж послом, для него были приготовлены богатые покои, роскошные экипажи и метресса, которую он, кажется, никогда не видал, хотя карета посла обязывалась стоять у ее крыльца по два часа в день»^{xlii}. А чего стоит ироническое замечание Н.А. Троицкого по поводу того, что даже фортуна представлялась Кутузову в виде белокурой женщины! «Нам не понятна самая идея — чувства с помощью Афродиты-Венеры или Посейдона-Нептуна. А XVIII веку это почему-то было нужно», — отмечает автор-искусствовед^{xliii}. Историк ли не знать, что люди той эпохи мыслили конкретными образами, а не отвлеченными понятиями!

Итак, слова и поступки Кутузова, разрушающие привычный стереотип, приводили историков в смущение и не допускались на страницы официальных биографий, хотя именно эти слова и поступки позволяли судить о психологии человека в контексте эпохи. Прежнее замалчивание «неудобных» эпизодов из жизни фельдмаршала в наши дни привело к другой крайности. Это происходит потому, что факты из жизни Кутузова приравниваются к современным понятиям, а не к малознакомым нормам и правилам теперь уже такого далекого XVIII столетия. Что может быть справедливее слов П.А. Вяземского, предостерегавшего от опрометчивых выговоров прошлому: «Вообще наши убеждения, критики, порицания, наши мнения, понятия, взгляды лишены способности отречься, хотя условно, от настоящего дня, от мимотекущего часа. Мы не умеем переноситься в другое, несколько отдаленное время; мы не умеем мысленно переселяться в

другую среду и в другие отжившие лица. Мы не к ним возвращаемся, как бы следовало, когда судили их. Мы насильственно притягиваем их к себе, к своему письменному столу, и тут делаем над ними расправу»^{xliv}.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 4.
- ⁱⁱ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. М., 1996.
- ⁱⁱⁱ Безотосный В.М. Борьба генеральских группировок в русской армии 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 132: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002. С. 12.
- ^{iv} Там же. С. 23.
- ^v Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 162.
- ^{vi} Безотосный В.М. Указ. соч. С. 22.
- ^{vii} Давыдов М.А. Оппозиция его Величества: Дворянство и реформы в начале XIX в. М., 1994. С. 3
- ^{viii} Тартаковский А.Г. Указ. соч. М., 1996. С. 137-239.
- ^{ix} Там же. С. 294.
- ^x Там же. С. 295
- ^{xi} Сборник РИО. СПб., 1890. Т.73. С. 275
- ^{xii} Земцов В.Я. «Образ врага» в русской историографии... // Труды ГИМ. Вып. 132. С. 257.
- ^{xiii} РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. IV. Л. 393-393 об.
- ^{xiv} Абалихин Б. С, Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917-1987. М., 1990. С. 90.
- ^{xv} Шеин М.А. .Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С.109
- ^{xvi} Абалихин Б.С, Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 104
- ^{xvii} Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов... С. 29.
- ^{xviii} Там же. С. 4.
- ^{xix} Крылатые фразы отечественного кино: Большой словарь. СПб.; М., 2001. С. 496, 459.
- ^{xx} Лермонтов М.Ю. Соч. В 2 т. Т. 2 М., 1990. С. 303-304.
- ^{xxi} Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов... С.3.
- ^{xxii} Он же. 1812: Великий год России. М., 1988. С.5
- ^{xxiii} Там же. С. 13.
- ^{xxiv} Там же. С. 21.
- ^{xxv} Там же.
- ^{xxvi} Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 года: Состав войск и их численность. М., 1997. С.55; Васильев А.А., Попов А.И. Grand Armee Состав армии при Бородине. М., 2000. С. 37
- ^{xxvii} Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С.81.
- ^{xxviii} Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов... С. 179.
- ^{xxix} Там же. С. 181.
- ^{xxx} Там же. С. 4.
- ^{xxxi} Там же. С. 6.
- ^{xxxii} Там же. С. 5
- ^{xxxiii} Именно так в то время произносилось и писалось его имя и отчество.
- ^{xxxiv} Фельдмаршал Кутузов. С. 216.
- ^{xxxv} Вишленкова Е.А. Война и мир в контексте внешней политики России в начале XIX в. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 101.

-
- ^{xxxvi} Мнения генерала Михайловского-Данилевского о двух записках, представленных князем Барклаем де Толли императору Александру I. см.: РГВИА Ф. ВУА. Д. 3465, ч. IV. Л. 393.
- ^{xxxvii} Вяземский П.А. Мемуарные заметки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 466.
- ^{xxxviii} Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М., 1993. С. 314.
- ^{xxxix} 39 Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 119.
- ^{xl} 40 Левенштерн В.И. Записки // Рус. старина. 1909. Кн. 3. С. 272.
- ^{xli} Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII — первая треть XIX в. М., 2002. С. 102.
- ^{xlii} Воспоминания графа В.А. Соллогуба. СПб., 1993. С. 54.
- ^{xliii} Чайковская О.Г. «Как любопытный скиф...»: Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII в. М., 2001. С.35.
- ^{xliv} Вяземский П.А. Указ. соч. С. 436.